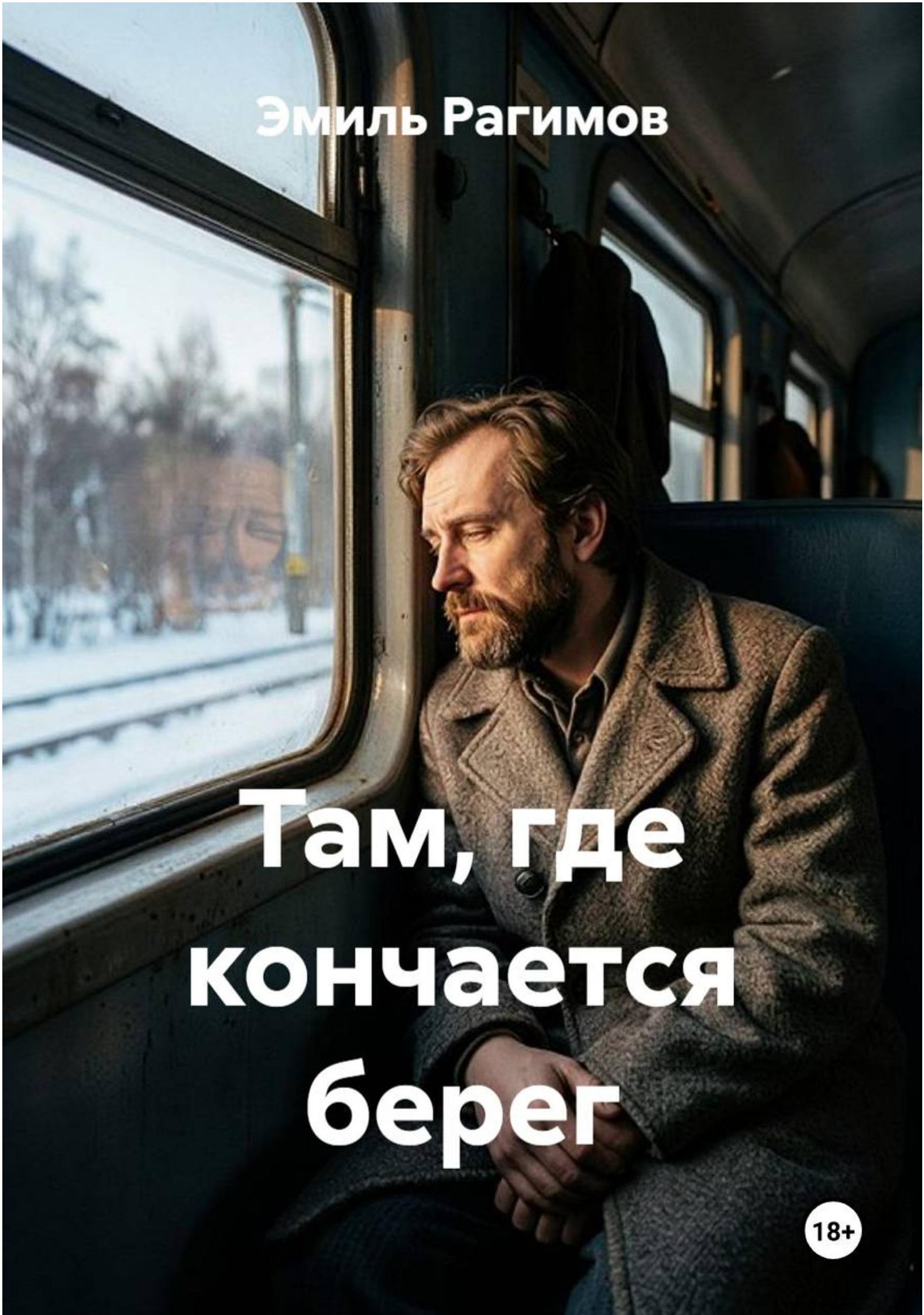

Эмиль Рагимов
Там, где кончается берег
18+

Эмиль Рагимов

Там, где кончается берег

«Автор»
2026

Рагимов Э. А.

Там, где кончается берег / Э. А. Рагимов — «Автор», 2026

Действие повести начинается в конце ноября 1977-ого года, Виктор Михайлович Коротков купив своей любовнице Елене у фарцовщика дорогое украшение, деньги на который он "позаимствовал" из кассы Академии Наук, отправляется к ней в Калугу. В поезде он несколько раз засыпает, прибыв в Калугу спросонья Короткову мерещится его жена, понимая что это невозможно, но поддавшись страху он бежит и случайно попадает под колеса грузовика, перевозящего щебень, последняя мысль которая мелькает в голове это грусть о том, что он так и не смог подарить свой подарок.

© Рагимов Э. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Калужский экспресс 5
Глава 2. Берег забытых душ 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Эмиль Рагимов
Там, где кончается берег

Глава 1 Калужский экспресс

«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». В.И. Ленин.

Вагонные стыки глухо, надсадно постукивали где-то глубоко под грязным полом, и этот монотонный, тяжелый ритм настойчиво, с каждым ударом колеса, вколачивал в голову Виктора Михайловича одну и ту же липкую мысль: *«Ты вор, Коротков. Вор, растратчик и трус»*.

За окном старого межобластного вагона стояли глухие, беспросветные сумерки конца ноября 1977 года. Редкие подмосковные полустанки проносились мимо, размываясь в желтые грязно-масляные пятна от тусклых привокзальных фонарей. В самом вагоне пахло мокрым сукном пальто, дешевым табаком из тамбура и пережаренным чаем в титане. Виктор Михайлович сидел у самого окна, прижавшись лбом к холодному, покрытому изнутри плотной испариной стеклу. Его правая рука, глубоко спрятанная в кармане тяжелого, добротного драпового пальто, судорожно, до боли в суставах сжимала плоский бархатный футляр.

Там, внутри, укутанное в шелк, покоилось массивное, вызывающе дорогое старинное ожерелье. Виктор Михайлович до сих пор помнил липкий страх, который он испытал всего сутки назад в душной, прокуренной полуторке на окраине Москвы. Фарцовщик — скользкий тип по кличке Граф, одетый в остродефицитную финскую дубленку, — долго крутил украшение перед его носом, цыкал зубом и шептал: *«Чистая царская работа, шеф. Камни настоящие, старой огранки. Такое сейчас только в Алмазном фонде или у партийных боссов в спецраспределителях. Девка твоя от счастья с ума сойдет»*.

И Лёля бы сошла. Его поздняя, сумасшедшая калужская любовь, ради которой сорокапятилетний уважаемый ученый полностью потерял голову. Когда она, перебирая пальцами его жидкие седеющие волосы, мимоходом вздохнула о том, что ее молодость проходит в серости и ей никогда не носить настоящих, благородных камней, в голове Короткова словно замкнуло какой-то важный тумблер. Рациональный ум математика, привыкший к строгим формулам и логическим последовательностям, полностью сдался под напором этой запоздалой, болезненной страсти.

Четыре тысячи рублей. Сумма по советским меркам астрономическая, космическая — цена новеньких «Жигулей» или кооперативной квартиры. Коротков, будучи старшим научным сотрудником и ведущим специалистом Института математики Академии Наук СССР, никогда не держал в руках таких денег. Должность кассира кассы взаимопомощи, которую он занимал по чистой случайности и общественной повинности, оказалась для него проклятием. Он просто взял их из сейфа. «Позаимствовал» на выходные. Оправдывал себя тем, что скоро защитит докторскую, получит премию, перехватит у коллег, выкрутится… Но сейчас, в холодном вагоне, эти оправдания казались детским лепетом. Он совершил должностное преступление. Крах карьеры, позор на всю Академию, суд и лагеря — вот что ждало его впереди, если проверка нагрянет раньше понедельника.

Поезд резко качнуло на стрелке. Пассажиры вокруг — усталые командировочные в серых пиджаках, женщины с тяжелыми авоськами — дремали под глухой ропот вагонного радио, передававшего передовицу о трудовых успехах пятилетки. Коротков прикрыл глаза. Усталость последних бессонных суток навалилась на него свинцовым, удушающим мешком.

Он провалился в тяжелый, рваный сон. Ему снились бесконечные, уходящие за горизонт ряды цифр в годовых отчетах Института. Цифры вдруг начинали шевелиться, превращаясь в жирных черных червей, и принимались течь по его ладоням, оставляя несмываемые черниль-

ные пятна. Коротков пытался вытереть руки о полы пальто, но пятна въедались под кожу. Затем декорации сна изменились. Ему приснилась жена, Антонина. Они прожили вместе двадцать лет в тихой, пресной московской квартире. Тоня стояла у плиты, спиной к нему, в своем неизменном ситцевом халате, и молча чистила картошку. Но кожура падала на дощатый пол с глухим, пугающим металлическим стуком, словно на пол сыпались тяжелые рублевые монеты.

— Виктор, где ты взял эти деньги? — не оборачиваясь, спросила она чужим, эхоподобным, грохочущим голосом, от которого задрожали стены. — Ты ведь погубил нас. Погубил…

Коротков вздрогнул, дико вскрикнул про себя и открыл глаза.

Поезд уже стоял, окутанный клубами белого пара. Проводница с заспанным, злым лицом и тяжелым железным ключом в руке уже кричала на весь проход, дергая двери тамбура: — Калуга! Товарищи пассажиры, конечная! Освобождаем вагоны, не задерживаем!

Спросонья голова раскалывалась так, словно по ней ударили обухом. В висках стучала кровь. Коротков наспех подхватил свой потертый кожаный портфель, судорожно проверил пальцами бархатный футляр в кармане пальто и выскочил в холодный, сквозящий тамбур, а оттуда — вниз, на обледенелый перрон.

Калужский вокзал встретил его пронзительным, сырым осенним ветром и колючей ледяной крупой, которая летела прямо в лицо, заставляя щуриться. Пассажиры быстро, ссутулившись, растворялись в густой темноте привокзальной площади. Коротков шел быстро, почти бежал, подняв воротник пальто и пряча лицо. Он стремился поскорее добраться до стоянки такси, уехать к Лёле, спрятаться в ее теплой квартире, отдать этот проклятый подарок и забыться хотя бы на пару часов. Страх, спавший во время усыпляющей дорожной качки, теперь проснулся окончательно. Короткову казалось, что каждый встречный патруль милиции смотрит именно на него, что дежурный у входа в вокзал лейтенант уже держит в руке ориентировку на его задержание. Ему чудилось, что за ним по пятам идет невидимая погоня из Москвы.

Он резко обернулся возле фанерного газетного киоска, чтобы проверить, нет ли хвоста, и замер, чувствуя, как сердце буквально остановилось в груди.

В тридцати шагах от него, прямо под желтым, тусклым конусом вокзального фонаря, стояла женщина. На ней был серый пуховый платок и каракулевый полушубок — точно такой же, какой он сам купил своей жене три года назад на премиальные. Это была Тоня. Его жена. Она стояла неподвижно, сложив руки на груди, и смотрела прямо на него своими спокойными, всевидящими глазами.

«Этого не может быть! — дико, панически забилась мысль в голове математика. Логика, высшая математика, здравый смысл — всё кричало о том, что это абсолютный абсурд. Тоня осталась в Москве, она мирно спит в их постели, она физически не могла узнать о краже и обогнать экспресс! — Это невозможно!»

Но первобытный, животный страх перед разоблачением оказался сильнее тридцати лет занятий точными науками. Поддавшись слепой, безумной панике, Коротков круто развернулся и бросился прочь от фонаря, выбегая прямо на проезжую часть привокзальной площади, совершенно не глядя по сторонам. Подошвы его чешских туфель предательски скользнули по утренней, припорошенной снегом наледи. Он потерял равновесие и взмахнул руками, выронив портфель.

В то же мгновение резкий, оглушительный, переходящий на сиплый фальцет рев клаксона разрезал морозный воздух.

Коротков успел лишь наполовину повернуть голову. Он увидел, как прямо на него, скрежеща тормозами и опасно заваливаясь набок по гололеду, несется огромный, грязный грузовик-самосвал «ЗиЛ». Его кузов, доверху наполненный тяжелым, острым серым щебнем для дорожных работ, угрожающе качнулся. Ослепительная вспышка фар на секунду выжгла Короткову сетчатку глаз.

Удар был колоссальной силы, но, к глубокому удивлению Виктора Михайловича, он не принес ожидаемой разрывающей боли. Наступило мгновенное, абсолютное онемение всего существа. Время словно замедлило свой ход в тысячи раз. Коротков плавно повалился на спину, краем глаза видя, как серый щебень струйкой сыплется из накренившегося кузова прямо на асфальт. Он лежал, уставившись в холодное, равнодушное калужское небо, по которому ползли грязные тучи. Сознание угасало стремительно, как тухнущая неоновая вывеска кинотеатра.

Последней мыслью, которая четко и кристально ясно промелькнула в его голове перед тем, как навалилась окончательная, глухая тьма, была пронзительная, детская и невыносимо горькая грусть: *«Лёля… Милая моя Лёля… Я так и не успел отдать тебе подарок»*.

А затем исчезли и мысли.

Тьма не была пустой. Она пахла сырым гравием, застоявшейся вокзальной водой и почему-то — книжной пылью из библиотеки Института математики. Виктор Михайлович больше не чувствовал тяжести своего добротного драпового пальто, не ощущал ледяной крупы на лице. Но его правая рука — точнее, то призрачное воспоминание, что от нее осталось, — всё еще судорожно сжимала пустоту в кармане.

Где-то бесконечно далеко, на самой грани угасающего слуха, испуганно выла сирена скорой помощи, кричали люди и глухо, надсадно колотилось в агонии чужое железное сердце грузовика. Но этот гул стремительно удалялся, словно Короткова уносило мощным подземным течением прочь от залитой огнями привокзальной площади Калуги.

Земное притяжение отпустило его. Логика, формулы, законы физики и советские рубли — всё это превратилось в невесомый пепел. Оставшись наедине с этим абсолютным ничто, Коротков сделал свой первый, неосознанный вдох там, где воздуха уже не существовало.

Глава 2. Берег забытых душ

Тьма отступала неохотно, скручиваясь в серые, рваные хлопья, похожие на обрывки грязной ваты. Первым, что вернулось к Короткову, было зрение. Не было ни боли в раздробленных костях, ни хриплого, свистящего дыхания, ни солоноватого привкуса крови во рту — ничего из того, что должно было неминуемо последовать за страшным ударом многотонного «ЗиЛа».

Виктор Михайлович лежал на спине. Прямо над ним простиралось огромное, монотонно-серое небо, полностью лишенное облаков, птиц и малейшего намека на солнце. Оно не было хмурым или грозовым — просто ровный, мертвенный купол, источающий тусклый, рассеянный свет, который не давал теней.

Коротков резко сел, подчиняясь первому, еще земному импульсу паники. Под его ладонями зашуршала крупная, идеально круглая серая галька. Он огляделся, и увиденное заставило его протереть глаза.

Бескрайнее побережье, уходящее в обе стороны, было заполнено людьми. Сотни, тысячи человеческих фигур. Все они были одеты абсолютно одинаково — в простые, свободного кроя робы из грубоватой белой ткани, похожие не то на больничные больничные балахоны, не то на монастырские одеяния. Коротков опустил взгляд на себя: его дорогое драповое пальто, чешские туфли и бархатный футляр с ворованным ожерельем исчезли. На нем была точно такая же белая роба, подпоясанная простым шнурком. Он судорожно потрогал свою грудь — ребра были целы. Попытался нащупать пульс на запястье, зажав вену пальцами, но кожа под подушечками оставалась неподвижной и прохладной. Сердце не билось.

— Предсмертный бред, — вслух, твердо произнес Коротков.

Его собственный голос прозвучал странно — четко, но совершенно беззвучно в плане эха, словно в комнате с плотно обитыми войлоком Стены.

— Классическая клиническая смерть. Мозг погибает от гипоксии, — рассудительно, как на лекции перед студентами, продолжал математик, пытаясь уцепиться за остатки рацио. — Сигнал затухает. Сейчас мое подсознание моделирует защитную реакцию, наспех компилируя образы из прочитанных книг и загробных мифов.

Чтобы окончательно доказать себе нереальность и иллюзорность происходящего, Коротков выбрал тяжелый, с кулак величиной булыжник с острым сколом и с силой опустил на него руку. Ладонь с глухим стуком врезалась в камень. Виктор Михайлович зажмурился, ожидая вспышки боли, но не почувствовал ровным счетом ничего. Физическое прикосновение произошло, геометрия движения была точной, но оно не несло в себе никаких ощущений — ни тепла, ни холода, ни страданий.

— Отлично. Я сплю в глубокой коме, — резюмировал он, поднимаясь на ноги.

Его тело казалось странно невесомым, лишенным привычной земной тяжести. Он пошел вперед, осматривая местность. С одной стороны берег омывало абсолютно неподвижное, свинцового цвета море. На его поверхности не было ни единой волны, ни даже легкой ряби — вода напоминала застывшую ртуть. С другой стороны, метрах в ста от кромки воды, побережье было наглухо, циклопически отрезано колоссальной стеной из темного, матового камня. Она уходила высоко вверх, теряясь в серой дымке неба. Через равные промежутки в стене чернели массивные ворота без створок — просто глубокие, пронизанные абсолютной темнотой проемы.

Люди вокруг вели себя странно. Кто-то сидел на гальке, обняв колени и уставившись в одну точку, кто-то бесцельно бродил взад-вперед. Среди них были лица всех рас и эпох. Но самым поразительным было то, что Коротков отчетливо слышал обрывки их разговоров. Негр, европеец в старинном камзоле и азиат спорили о чем-то, но Виктор Михайлович понимал каждое слово, хотя они явно не говорили по-русски. Это был не язык звуков, а прямое перетекание смыслов в голову.

Коротков подошел к ближайшей группе, сидевшей у кромки ртутной воды. Один из них — плотный, широкоплечий мужчина средних лет с коротко остриженной бородой и глубоким белым шрамом через всю щеку — поднял на него усталый, выжженный взгляд.

— О, еще один проснулся, — произнес бородач. Его голос транслировал ощущение тяжелых железных лат, хотя на нем была все та же роба. — Из каких краев, брат? Какого суверена подданный?

— Из Москвы, — ответил Коротков, стараясь держаться подчеркнуто сухо и официально. — Коротков Виктор Михайлович, старший научный сотрудник Института математики Академии Наук СССР. Год тысяча девятьсот семьдесят седьмой. А вы, надо полагать, плод моего утомленного агонией воображения? Галлюцинация?

Мужчина криво усмехнулся, обнажив крепкие, желтоватые зубы. — Меня зовут Антуан Шабо. Я был рыцарем Христа, сеньором небольшой крепости под Акрой. Мое тело сгнило в сирийской земле после того, как проклятые сарацины пробили мне грудь копьем в тысяча двести девяносто первом году от Рождества Господня. Так что, господин московский ученый, если я и плод, то весьма залежалый. Я сижу на этом берегу столько, сколько твоя Москва, должно быть, стоит на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.